

«Что дѣлать?») или, вдругъ, выдвигали такого «собственного эстетика», котораго роль, въ концѣ концовъ, кажется, сводилась къ тому только, чтобы фабриковать, *на зло*, въ своихъ произведеніяхъ самыя «анти-эстетическія» выраженія (въ родѣ «сипондрація», «отчехвостить, сбондить, стилибопить» и т. п.) Все это мы приводимъ лишь въ качествѣ иллюстраціи къ вышеприведеннымъ строкамъ изъ «Исповѣди» гр. Толстого, который, далѣе, особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ призванъ былъ *«учить самъ не зная чему»*, отзываясь при этомъ съ особенною ироніею о господствующихъ «писательскихъ взглядахъ», по которымъ художникъ-де и поэтъ *учатъ бессознательно*... «Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому, мнѣ очень естественно было усвоить себѣ эту теорію. И вотъ я, художникъ, поэтъ, писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня былъ прекрасный столъ, квартира, женщины, общество; у меня была слава: значить то, чему я училъ, было очень хорошо...»

Въ самомъ дѣлѣ, много было говорено про это «бессознательное» учительство, про то, какимъ образомъ художникъ «является — *все равно* — сознательно или бессознательно, — *учителемъ* для современниковъ и потомства,» но никогда, кажется, при этомъ, не обращалось достаточно вниманія на то противорѣчіе, которое заключено въ самомъ выраженіи двухъ этихъ понятій (чего-то въ родѣ *contradictio in adjecto*), — на то, можно-ли, съ легкостью «почти военнаго человѣка» связывать во едино понятія учительства съ понятіемъ бессознательнаго: или я дѣйствительно учу — и тогда я *знаю*, чему я учу, или я, безъ всякаго участія сознанія, просто говорю слова на вѣтеръ или изрекаю какіе то вѣщія глаголы, на манеръ древней пифіи, но тогда, во 1-хъ, предварительно должно отуманить мое сознаніе тѣми же средствами и наз-